

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ф. М. Достоевский. Неопубликованное письмо к Н. Н. Страхову (публикация Г. Ф. Коган, Москва)	3

СТАТЬИ

Г. М. Фридлендер. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского	7
В. И. Кайгородов (Тобольск). Об историзме Достоевского	27
В. П. Попов (Краснодар). Проблема народа у Достоевского	41
Г. К. Щенников (Свердловск). Об эстетических идеалах Достоевского	55
Е. П. Червинскене (Вильнюс). Свобода личности в мире идей Достоевского	68
Р. Опитц (ГДР). Человечность Достоевского (роман «Идиот»)	75
А. П. Чудаков (Москва). Предметный мир Достоевского	96
Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан	106
Т. Г. Морозова (Москва). Рассказ В. Г. Короленко «Ат-Даван» и традиции Достоевского	123
Ю. И. Сохряков (Ленинакан). Традиции Достоевского в восприятии Т. Вулфа, У. Фолкнера и Д. Стейнбека	144

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

Р. Г. Назиров (Уфа). Достоевский и роман У. Годвина	159
А. Л. Осповат (Москва). Заметки о почвенничестве	168
Достоевский — абонент флорентийской читальни	174
В. Д. Рак. Дополнения к комментарию «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского	176
М. Д. Эльзон. Две заметки к роману «Бесы»	188
В. Е. Ветловская. «Братья Карамазовы». Дополнения к комментарию	190
И. Л. Волгин (Москва). Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881—1917)	192
Ф. И. Евнин (Москва). Достоевский и русская литература конца XIX—начала XX века (заметки)	206

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

И. Б. Роднянская (Москва). Вяч. И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском. (Реферат)	218
---	-----

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому (публикация Г. В. Степановой)	239
Л. П. Десяткина, Г. М. Фридлендер. Библиотека Достоевского (новые материалы)	253
Н. Н. Мостовская. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой (Сазоновой)	271
Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском (публикация И. Г. Ямпольского)	278
Указатель имен	282

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДОСТОЕВСКИЙ

—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1980

ОТ РЕДАКТОРА

Четвертый том «Достоевский. Материалы и исследования» в основном построен по типу трех предыдущих. Он состоит из четырех разделов: «Статьи», «Сообщения. Заметки», «Из научного наследия», «Новые материалы».

Ссылки на произведения Достоевского даются по изданиям: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 1—19. Л., 1972—1979 (при цитатах указываются арабскими цифрами и том, и страницы); Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений. Т. XI и XII (Дневник писателя), XIII (статьи). М.—Л., 1926—1930 (при цитатах указываются римскими цифрами том, арабскими — страницы). Письма цитируются по изданию: Достоевский Ф. М. Письма. Т. I—IV. М.—Л., 1928—1959 (при цитатах: П., том — римская цифра, страница — арабская).

В редакционно-технической подготовке рукописи настоящего тома ближайшее участие принимала Г. В. Степанова.

Редактор IV тома

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ДОСТОЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 4

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*. Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *Н. А. Кругликова*

Корректоры *З. В. Гришина*, *Ф. Я. Петрова* и *А. Х. Салтанова*

ИБ № 9005

Сдано в набор 28.09.79. Подписано к печати 21.02.80. М-36518. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 18=18 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.24. Тираж 25050. Изд. № 7452. Тип. зак. 760. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение

199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Д 70202-524 — 532.80. 4603010101.
042 (02)-80

© Издательство «Наука», 1980 г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО
К Н. Н. СТРАХОВУ

(Публикация Г. Ф. Коган)

Четверг 27 сентября <18>73

Любезнейший Николай Николаевич,

Вы верно забыли о двух № обещанных Вами для последней странички (из газеты: *наплевать* на этих господ). А между тем «Последняя страничка» составлена именно ввиду этих 2-х №. Таким образом типографская задержка: нельзя ни набрать, ни напечатать статью. Сделайте милость доставьте поскорее (ведь это только несколько строк!) в Редакцию. Вы не поверите, как это важно в общей типографской работе! Притом если теперь не доставите, то на следующую неделю будет уже поздно — *заставляя выписку* из газет.

Ваш весь

Ф. Достоевский>.

Письмо написано в первый год редактирования Достоевским «Гражданина». В то время на него падала основная работа по подбору статей, писанию редакционных обозрений, фельетонов и заметок, просмотру газет для извлечения из них злободневного материала, по составлению очередных номеров и расчетам с авторами (см. записные тетради Достоевского 1872—1875 гг. и примечания Г. Ф. Коган к ним — Лит. наследство, т. 83. М., 1971, с. 289—348). «Читатели, которые вздумают перечитать „Гражданин“ за этот год, тотчас увидят, как много старания и труда положено было на журнал его редактором. Заботливость была величайшая», — отмечал Н. Н. Страхов (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 299).

В письме, судя по дате — 27 сентября, речь идет о № 40 «Гражданина», который должен был выйти в понедельник 1 октября. Письмо написано в четверг. В этот день Достоевский обычно занимался составлением плана очередного номера. В летние месяцы он специально приезжал для этой цели в Петербург из Старой Руссы. В «пятницу ночью <...> прием статей»

уже заканчивался, и еженедельный номер «Гражданина» изготовлялся, по свидетельству метранпажа, в три дня (см. об этом: Лит. наследство, т. 83, с. 304, 309; П., IV, с. 298).

Отдел «Последняя страничка» появился в «Гражданине» впервые 10 сентября (№ 37), Достоевский постоянно заботился об этом отделе, редактировал его и участвовал в нем как автор. Его перу принадлежат некоторые анонимные фельетоны для «Последней странички» (см.: XIII, 473, 604; Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, 573—585).

В этом отделе наряду с заметками о нравственном состоянии различных сословий современного общества, фельетонами и краткими зарисовками бытовых сцен, записанных сотрудниками редакции «с натуры», приводилось немало курьезных материалов из различных газет или давались отклики на них. Так, например, в № 37 подверглись осмеянию газеты «Голос» и «Неделя», в № 38 — газета «Новости».

Для № 40 Достоевский готовил подборку материалов из «Петербургской газеты». Почти в каждом номере ее «Гражданин» подвергался насмешкам. Немало выпадов «Петербургской газеты» было направлено против самого Достоевского и как редактора, и как автора «Бесов» и «Дневника писателя» (см.: Петербургская газета, 1873, № 41, 52 и 56. Так, например, в № 77 от 22 сентября говорилось: «...г-н Достоевский по-прежнему „бесится“ в „Гражданине“»).

Выступление «Гражданина» против «Петербургской газеты» в «Последней страничке» № 40 начинается с выписки из передовой статьи «Петербургской газеты» (1873, № 79), написанной С. Н. Худековым по поводу происшедшего в те дни убийства в гостинице «Бель-вю», явившегося предметом оживленных толков в периодической прессе. Об этом гнусном и бесчеловечном убийстве, жертвой которого стала жена известного сотрудника «С.-Петербургских ведомостей» А. С. Суворина (выступавшего в них с фельетонами под именем «Незнакомца» и на участие которого рассчитывал Достоевский и в «Гражданине» — см.: Лит. наследство, т. 83, с. 301), писал и «Гражданин» 24 сентября 1873 г. (№ 39). Но статья Худекова, появившаяся в «Петербургской газете» 25 сентября, вызвала в «Гражданине» острое негодование. Помещенная в «Последней страничке» под заглавием «Столпы петербургского радикализма» выписка из статьи Худекова, писавшего, что катастрофа в Бель-вю «никому не причинила социального (?) огорчения, но скорее возбудила в сонном обществе поэтические искры», сопровождается комментариями, которые могли быть написаны Достоевским.

Обещанные Страховым из газеты «два №», появившиеся в № 40 «Гражданина», также связаны с «Петербургской газетой». Вот их текст: «В той же „Петербургской газете“ извещают о том, что будет сделано новое издание сочинений Решетникова, и при этом замечают: „О литературном достоинстве этих сочинений много распространяться не нужно. Высокого значения их не признают только какие-нибудь современные Менцели и Булгарины «Русского вестника» (например, сам г. Катков или его критик г. А.). Но на таких господ стоит только плюнуть и отойти прочь“ (Петербургская газета, 1873, № 78)».

В той же газете по поводу выхода книги М. П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах» было сказано: «В этом сочинении г. Погодин обрушился своим бряхлым телом на молодежь и женщин. Это уже не язык, не слог или манера: это просто *зарапортовался*» (протитировано: Гражданин, 1873, № 40, с. 1085).

Первая заметка Страхова составляет в «Гражданине» на с. 1085 — 10 строк, вторая — 7.

Слова: «наплевать на этих господ» в письме Достоевского приводятся, очевидно, по памяти.

Первая заметка написана на основе сделанного «Петербургской газетой» 23 сентября (№ 78) в отделе «Изо дня в день» извещения о принятом московским издателем К. Т. Солдатенковым полным собранием

сочинений Ф. М. Решетникова, редакцию которого принял на себя Г. И. Успенский:

«О достоинствах Решетникова, как писателя, распространяться нечего; теперь только какие-нибудь Менцели и Булгаричи „Русского вестника“ (вроде самого г-на Каткова или его критика г-на А.) могут отрицать высокое значение Решетникова. Но на таких господ стоит только плюнуть и отойти прочь». Г-н А. — консервативный критик В. Г. Авсеенко. Позднее на страницах «Гражданина» в «Дневнике писателя» Достоевский будет с ним резко полемизировать (см.: Лит. наследство, т. 83, с. 55 и 524).

Вторая заметка Страхова связана с выпадом «Петербургской газеты» против сотрудничавшего в «Гражданине» историка М. П. Погодина:

«М. П. Погодин обрушился своим дряхлым телом на молодежь и женщин, причем досталось и Белинскому, и Добролюбову, и Чернышевскому, и Герцену. Все эти господа, по словам этого старца, носили *распутные книжки* (?). Книгу свою М. П. Погодин оканчивает словами: „...горе тому человеку, от которого соблазн происходит“.

Многие, прочтав сказание Погодина, оканчивают, закрывая книгу, словами: „Горе писателю, выжившему из ума“» (Петербургская газета, 23 августа, № 60, раздел «Хорошего понемножку»).

Обе заметки явно библиографического и полемического характера, появившиеся в «Последней страничке» № 40 «Гражданина», подтверждают, что адресатом письма Достоевского был Страхов, постоянно сотрудничавший в «Гражданине» по библиографическому отделу. В записных тетрадях Достоевского 1872—1875 гг. есть записи: «Постоянное сотрудничество Страхова» и «Библиография Страхова» (Лит. наследство, т. 83, с. 300 и 301). С библиографическими статьями выступал на страницах «Гражданина» и Е. А. Белов (в его адрес в № 56 «Петербургской газеты» за 1873 г. также появлялись резкие выпады. — См.: Лит. наследство, т. 83, с. 341). Но принадлежность Страхову обеих приведенных заметок из «Последней странички» очевидна, так как в это время Страхов выступал на страницах «Гражданина» с другими библиографическими статьями, в которых шла речь и о Решетникове и о Погодине. Решетников упоминается Страховым в «Заметках о текущей литературе», печатавшихся в «Гражданине» в апреле и мае 1873 г. (о Решетникове см. № 15—16, с. 471; № 19, с. 572). А осмеянной в «Петербургской газете» книге Погодина Страхов посвятил статью в отделе критики и библиографии ближайшего № 43 «Гражданина» от 22 октября — «М. П. Погодин. „Простая речь о мудреных вещах“. Москва. 1873». По высказывавшемуся мнению исследователей, в составлении «Последней странички» «Гражданина» кроме Достоевского принимали участие В. П. Мещерский, А. У. Порецкий и, вероятно, В. Ф. Пуцкович.

Теперь мы можем расширить круг участников этого отдела «Гражданина», установив участие в нем также Н. Н. Страхова.

Первая заметка Страхова составлена, как уже было указано, на основе материала, появившегося в «Петербургской газете» 23 сентября. Между датой и 27 сентября, до написания Достоевским письма Страхову, между ними могла иметь место встреча и, вероятно, была достигнута договоренность о составе «Последней странички» для ближайшего номера. По свидетельству метранпажа М. А. Александрова, Достоевскому-редактору была присуща «привычка объясняться всегда лично, а не путем записок» (Александров М. А. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах. — Русская старина, 1892, № 4, с. 185). Но в данном случае не обошлось и без записки. Она представляет большую ценность как еще одно из свидетельств, дающих представление о характере повседневной редакторской работы Достоевского. Из писем-записок Достоевского 1873 г., связанных с его редакторской деятельностью, до сих пор были известны лишь две сентябрьские записки к М. А. Александрову (относящиеся к № 40) и одно письмо к Н. Н. Страхову 1873 г. (см.: II, III, 49, и IV, 301). В записной тетради Достоевского 1872—1875 гг. послед-

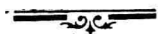
няя запись по составлению очередного номера «Гражданина» заканчивается на записи к № 39 (Лит. наследство, т. 83, с. 309).

Письмо свидетельствует и о характерном для Достоевского-редактора стремлении «придать свежести завтрашнему номеру», не отстать от «злобы дня», подробностей текущего во всех его проявлениях. Часто ради нескольких газетных строк, «чтобы хоть что-нибудь свежее было», он, приезжая по воскресеньям в типографию, заставлял метранпажа переверстывать в последнюю минуту весь лист (Александров М. А. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика..., с. 185).

Так и в этом письме к Н. Н. Страхову его, прирожденного, по признанию современников, журналиста, прочитывавшего ежедневно «до последней литеры» все газеты, глубоко беспокоит «застарелая выписка из газет». Посланное Страхову письмо представляет собою листок почтовой бумаги. Написано черными чернилами (текст печатается с соблюдением пунктуации подлинника).

Письмо публикуется по подлиннику, подаренному «Музею-квартире Ф. М. Достоевского» (Москва) в день его пятидесятилетия, 11 ноября 1978 г. московским коллекционером, Изольдом Аркадьевичем Полонским.

СТАТЬИ

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

О НЕКОТОРЫХ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ И ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

1

В последние годы число работ советских литературоведов, посвященных вопросам жизни и творчества Достоевского, постоянно растет. Углубляется и расширяется и проблематика этих работ. После того как в 60-е годы у нас появился ряд обобщающих фундаментальных исследований, сыгравших в изучении творчества Достоевского в советской науке переломную роль, наметивших для этого изучения новые широкие задачи и открывших для него новые перспективы (к числу таких исследований относятся второе, дополненное переиздание книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», биография Достоевского Л. П. Гроссмана, итоговый сборник трудов А. С. Долинина «Последние романы Достоевского», монографии В. Я. Кирпотина, Н. М. Чиркова, В. Б. Шкловского, а также некоторые другие, в том числе книга автора этих строк «Реализм Достоевского»), возникли благоприятные условия для позитивной разработки и общих, и многочисленных частных проблем творчества писателя. В работах 20-х и 30-х годов, посвященных поэтике Достоевского, в том числе в таких ценных трудах, как статьи и книги акад. М. П. Алексеева, акад. В. В. Виноградова, Л. П. Гроссмана, Б. Г. Реизова, А. Г. Цейтлина, творчество Достоевского рассматривалось по преимуществу в его связях, с одной стороны, с творчеством Гоголя и писателей натуральной школы, а с другой стороны — с произведениями современных ему западноевропейских писателей-романтиков и реалистов первого (Бальзак, Гюго, Диккенс, Ж. Санд) или второго (Т. де Квинси, Э. Сю, Ф. Сулье) ряда. В настоящее же время творчество Достоевского все чаще изучается также в системе более широких связей с различными творческими методами, жанрами, художественным опытом и стилевыми исканиями всей предшествующей Достоевскому и позд-

нейшей русской и мировой литературы — от древности до наших дней. В довоенное время исследователи (например, В. Л. Комарович) при изучении мировоззрения Достоевского были озабочены по преимуществу поисками его ближайших и непосредственных теоретических истоков (французский утопический социализм, славянофильство и т. д.). Сегодня в науке возникла потребность в более многостороннем подходе к вопросу о глубинных национально-народных истоках и основах этого мировоззрения. В 20-е и 30-е годы общественно-политическая позиция Достоевского на раннем этапе его развития сближалась с позицией Герцена, Белинского либо других представителей дворянского и последующего разночинно-демократического этапов русского освободительного движения той эпохи, а на позднейших — рассматривалась главным образом под углом зрения его идейных расхождений и разногласий с ними. Сегодня же, как уже нам приходилось писать,¹ возникли необходимые научные предпосылки, позволяющие рассматривать демократизм Достоевского (со всеми присущими ему противоречиями) не как антитезу по отношению к мировоззрению революционеров и социалистов той эпохи, а как качественно особый, специфический тип демократизма, отличный от сознательного политического демократизма участников тогдашнего революционного движения, но в то же время, как и последний, отражающего одну из граней процесса пробуждения национально-общественного самосознания мыслящей интеллигенции и народных масс пореформенной России в эпоху, предшествовавшую первой русской революции. Наряду с трудами названных выше исследователей существенную роль в разработке различных аспектов и направлений этого более широкого и универсального понимания специфики художественного гения Достоевского, его национальных истоков и мирового значения сыграли работы акад. Д. С. Лихачева, акад. М. Б. Храпченко, А. В. Чичерина, Т. Л. Мотылевой, Н. И. Пруцкова, В. Е. Ветловской, Б. И. Бурсова, Л. М. Розенблюм, Ф. И. Евнина, Р. Г. Назирова и многих других.

Тем не менее естественно и закономерно то, что каждый новый этап развития науки выдвигает перед исследователями новые проблемы и задачи, особенно актуальные и важные в условиях сегодняшнего дня. Характеристику некоторых из таких проблем мы постараемся дать в настоящей статье.

Одной из главных проблем, всю жизнь мучивших Достоевского, была идея синтеза, идея воссоединения народа, общества, человечества, а вместе с тем обретения каждым сознательно мыслящим человеком — внутреннего единства и гармонии. Достоевский мучительно сознавал, что в том мире, в котором он жил, единство это нарушено — и во взаимоотношениях человека

¹ См.: Фридлендер Г. М. Наука о Достоевском сегодня. (Спорные вопросы. Искания. Проблемы). — Русская литература, 1971, № 3, с. 3—24.

с природой, и во взаимоотношениях людей внутри общественного и государственного целого, и в каждом отдельном человеке.

Эти вопросы, занимавшие центральное место в кругу размышлений Достоевского — художника и мыслителя, приобрели особое значение в наши дни. Ибо, с одной стороны, современная научно-техническая революция во много раз по сравнению с прошлыми периодами исторического развития человечества усилила внимание людей к вопросам жизни Вселенной, а с другой — наша эпоха, эпоха зрелого социализма, особенно остро поставила и ежедневно продолжает ставить перед нами вопрос о путях трансформации всех веками слагавшихся межчеловеческих отношений, создании нового гармонического строя общественных и нравственных отношений и о воспитании полноценного, всесторонне развитого человека, здорового духовно и телесно.

Не случайно одно из наиболее выдающихся произведений советской литературы последнего двадцатипятилетия — роман Л. Леонова «Русский лес» — генетически, в своих истоках, связан, при всей актуальности своей социально-исторической и нравственной проблематики, с тревожными размышлениями Достоевского о судьбе русского леса в «Дневнике писателя». А сегодняшние проблемы освоения космоса не раз побуждали писателей и ученых нашего времени вспоминать о беседе Ивана Карамазова с чертом, где в иронически-скептической форме затрагивается вопрос о возможности возникновения искусственного «спутника» земли. Точно так же современная философия и психология, современный театр и изобразительное искусство, современная этика и эстетика не могут пройти мимо многообразных и противоречивых философских и этических идей, художественного анализа глубин общественной жизни и сокровенных «тайн души человеческой» в произведениях русского романиста.

Достоевский едва ли не наиболее болезненно из всех великих художников мировой литературы ощущал то зло, которое несет общественное разьединение и «обособление» людей. Он не только был горячо уверен в земном (а не в отвлеченном, потустороннем) братстве людей, но и твердо считал, что движение к этому братству уже началось, реально происходит в его эпоху. И точно так же Достоевский мучительнее, чем кто-либо из его предшественников и современников, ощущал, какую огромную трагедию несет каждой отдельной личности потеря твердого нравственного центра, без существования которого личность — согласно его диагнозу — превращается в механический агрегат внутренне разьединенных, органически не связанных между собою, дробящих ее на части и влекущих в противоположные стороны помыслов, страстей и побуждений. Отсюда такие, новые не только для искусства, но и для науки того времени формы социальной патологии, впервые открытые и бесстрашно исследованные Достоевским, как социально-психологическое «двойничество» или мрачное и разрушительное душевное «подполье», которое может

таиться в глубинах души даже высоконравственной человеческой личности и, вырвавшись наружу, при определенных условиях стать вполне реальной и ощутимой угрозой обществу и человечеству.

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой».² Эти известные слова Достоевского побудили в последнее время некоторых из исследователей писателя поставить вопрос: можно ли считать Достоевского писателем-психологом, каким его считали не только многочисленные критики и литературоведы, давно и прочно утвердившие за Достоевским право считаться величайшим реалистом-психологом мировой литературы, но и такие крупные авторитеты в области психологии и физиологии высшей нервной деятельности, как В. М. Бехтерев, А. А. Ухтомский и И. П. Павлов, придерживавшиеся того же мнения.

Между тем следует иметь в виду, что отношение Достоевского к терминам «психология» и «психолог» далеко не было однозначным. Достаточно напомнить о том, что в письме к М. Н. Каткову от начала сентября 1865 г., где писатель впервые излагает замысел будущего «Преступления и наказания», он характеризует идею этого романа как «психологический отчет одного преступления» (П., I, 418). Да и в той же записной книжке 1880—1881 гг., где Достоевский в полемических целях отводит традиционное в критике 70-х годов определение своего писательского пафоса как пафоса «психолога», Достоевский в связи с анализом образа Ивана в «Братьях Карамазовых» ставит перед собой задачу «психологического и *подробного* критического объяснения» Ивана и сцены его беседы с чертом.³

И это вполне понятно, ибо стремление изобразить «все глубины души человеческой» в нашем современном понимании, естественно, требует от автора именно искусства писателя-психолога, включает в себя это искусство как свою необходимую предпосылку, хотя и не исчерпывается одним этим искусством.

В сцене суда, да и во многих других эпизодах «Братьев Карамазовых», Достоевский сам разъяснил, в чем состоял метод «психологического объяснения» человеческих поступков, который он отвергал, так как метод этот представлялся ему — и вполне справедливо — недостаточно глубоким. И прокурор, и защитник в «Братьях Карамазовых», как и многочисленные свидетели, дающие свои показания во время следствия и суда над Митей, строят свою версию, объясняющую характер и мотивы Дмитрия

² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 373.

³ Там же, с. 369. О Достоевском-психологе см. подробнее: Фридляндер Г. М. Реализм Достоевского. М.—Л., 1964, с. 208—214, 384—393. Ближайшее истолкование приведенной полемической записи Достоевского («Меня зовут психологом <...>») содержится также в работах Л. М. Розенблюм.

Федоровича, а также либо воссоздают определенные штрихи из истории семейства Карамазовых, либо рисуют достаточно убедительную и эффектную картину убийства старика Карамазова. Да и не один Митя, — Федор Павлович, Иван и многие другие герои романа на разных этапах движения фавулы получают и от лица рассказчика, и от лица других персонажей достаточно полные и убедительные в каждом отдельном случае, как это может показаться на первый взгляд, психологические характеристики. Однако ни одна из таких характеристик, как свидетельствует дальнейшее движение фавулы, не дает полного, исчерпывающего представления о данном лице. Каждое из этих лиц сложнее, чем характеристика его, данная в «предисловном рассказе», вложенная в уста другого персонажа или в уста самого героя. Это не значит, что характеристика эта вовсе не верна, не содержит в себе той или иной *части* правды. И все же палка оказывается в каждом случае «о двух концах» (15, 152). Другими словами, раскрывая о герое определенную часть правды, характеристика эта раскрывает именно лишь *часть* правды, а не *всю* ее в целом. Между тем всякая частная правда, как верно понимает автор, получает свой истинный смысл лишь с учетом других сторон той же правды, будучи воспринята не изолированно от них, а в составе целого, в котором она занимает свое, строго определенное место. Вырванная же из состава целого, изолированная от него и абсолютизированная частная правда о человеке может не только не помогать пониманию глубинной основы его характера и истинной природы его движущих мотивов, но *заслонять* их собой, закрывая тем самым путь к постижению глубин души человеческой в подлинном философском (и вместе с тем подлинном научно-психологическом) ее понимании.

Нередко представление о Достоевском как о художнике-психологе ставят под сомнение на основании того, что мысли и чувства его персонажей часто развиваются скачкообразно, что их поступки, как это было давно отмечено,⁴ совершаются ими нередко «вдруг», как бы под влиянием некоего внезапного прозрения или смутного, неосознанного наплыва чувств, резко противоречащего нормам ожидаемого и привычного для окружающих героя людей (равно как и для читателя романа, сознание которого привыкло к иному, более традиционному «стереотипу» мысли и поведения литературного персонажа). Однако любовь Достоевского-художника к психологической «исключительности», к анализу «странных», «внезапных», «необычных» человеческих поступков, которые на первый взгляд кажутся прямым вызовом привычной логике и нормам ходячего «здорового смысла», отнюдь не противоречит хотя и традиционному, но от этого не менее

⁴ Слонимский А. Л. «Вдруг» у Достоевского. — Книга и революция, 1922, № 8, с. 9—16.

верному представлению о Достоевском как о величайшем мастере психологического анализа. Верно другое: Достоевский — писатель-психолог, но вместе с тем он *не только психолог*: в той же мере его можно назвать величайшим мастером как социально-философского, так и психологического романа. Философия, история, этика, социология, анализ сокровенных глубин человеческой души и человеческого сердца — все это в романах Достоевского сложным образом соединяется, сливается воедино, поверяется одно другим. И именно в этой многоаспектности восприятия и изображения человека и истории, человека и общества кроется тайна единственного в своем роде художественного величия Достоевского — повествователя и романиста, делающего его современником не только нашего, но и грядущих поколений.

При этом важно подчеркнуть, что то, что в повестях и романах Достоевского многие поступки совершаются неожиданно, «вдруг» и не только кажутся окружающим персонажам немотивированными, но и представляются им прямым вызовом логике и здравому смыслу, вовсе не означает, что подобные поступки не мотивированы, не подчиняются своей, особой внутренней закономерности. То, что и в общественной, и в личной жизни людей не все совершается в любых случаях одинаково и далеко не все происходит постепенно, — элементарная азбука общественной науки. И в истории общества, и в повседневном быту есть свои революции, свои «взрывы», где меняется привычный тип поведения, а обычные устойчивые, нормальные на первый взгляд цепи причинно-следственных связей разрываются под наплывом более глубокого и мощного подземного движения снизу. Такие разрывы постепенности и общественно-психологические «взрывы» отнюдь не являются нарушением законов реальной «живой жизни». Величайшим мастером художественного изображения подобных социально-психологических переломов и «взрывов» и в жизни общества, и в жизни отдельного лица и был Достоевский. Именно эта особенность его мастерства художника-психолога и делает его одним из великих романистов, искусство которого особенно созвучно духовной атмосфере XX века — века огромных революционных преобразований, социальных и культурно-исторических потрясений в жизни человечества.

2

Художественный мир Достоевского не раз соотносился с художественным миром Эсхила, Шекспира, Шиллера, Бальзака, Диккенса, Гюго. М. М. Бахтин сблизил жанр романов Достоевского с жанром античной мениппеи, а другие исследователи — с жанром средневекового жития. Каждое из подобных сопоставлений бросает дополнительный свет на те или иные стороны творчества Достоевского. Часто оно может быть продолжено и

углублено. В связи с этим хочется сопоставить последний, итоговый роман Достоевского «Братья Карамазовы» с еще одним замечательным произведением мировой литературы, с которым, насколько нам известно, он никогда не сопоставлялся. Речь идет о «Годах странствования Вильгельма Мейстера» Гете.

«Годы странствования Вильгельма Мейстера» (1829) — второй из двух романов дилогии, посвященной заглавному герою. От «бурных стремлений» и романтического индивидуализма герой Гете приходит в ней к ощущению своего единства с другими людьми, становится членом создающегося при его участии межчеловеческого братства. Но дело не только в этом сходстве общего направления жизненных путей главных героев романов Гете и Достоевского, духовное воспитание которых связано с идеей нравственного «самоотречения». И роман Гете, и «Братья Карамазовы» — опыты грандиозного по охвату материала и по количеству персонажей «роман-синтеза», подводящего философский итог творчеству автора и представляющего собой энциклопедию духовных исканий и устремлений современного человечества, которая сливается воедино с обращенной к будущему гуманистической социально-философской утопией. Реально-бытовые образы и события в обоих романах соседствуют с философской символикой и назидательной дидактикой.

В центре «Годов странствования Вильгельма Мейстера» — не один, а множество разных по характеру, происхождению, уровню духовного и нравственного развития персонажей, большинство которых первоначально не связаны между собой. Многие из них выступают вначале в качестве героев особых, самостоятельных вставных новелл, из которых перед главным героем и перед читателем всякий раз возникает «странная», причудливая и неожиданная фигура человека со своей сложной судьбой, особыми психологическими нравственными проблемами. Но появившись на страницах романа в качестве героев отдельных, самостоятельных новелл, все эти персонажи позднее встречаются с главным героем романа лицом к лицу. Так же как Алексей Карамазов, Вильгельм Мейстер выступает в роли своеобразного посредника между остальными героями. Его судьба оказывается сложным образом сопряженной с их судьбами. Втянутые в общее движение и захваченные им персонажи в конце концов составляют единый духовно-нравственный «союз» людей, решающий сообща вопрос о путях переустройства старого общества с целью создания условий для будущей гармонической земной жизни человечества.

Роль духовного пастыря и наставника Алеши Карамазова играет Зосима. Но и в романе Гете есть образ духовной покровительницы остальных персонажей, скрытой «души» их полумистического филантропического содружества. Это — Макария, мудрая мать и наставница Вильгельма и его друзей. Душа Макарии сродни и небу, и земле, в равной степени открыта как движению звезд, так и человеческим заботам и тревожностям.

Укротив собственные страсти и укрощая разъединяющие их эгоистические страсти других героев, Макария объединяет их, помогая им обрести в себе нового, истинного человека. Помощниками Макарии являются аббат, астроном и другие члены таинственного общества «башни», следящего издали за развитием всех тех, кто кажется им достойным членом будущего гуманистического сообщества свободных людей, сможет обрести в нем место, соответствующее его дарованиям и наклонностям.

В романе Гете прообразом искомого будущего идеального общества и вместе с тем силой, направляющей движение к нему человечества, является некое фантастическое масонское братство, полусимволический союз «посвященных». В «Братьях Карамазовых» ту же роль играет церковь, возвышенная и идеализированная в поучениях Зосимы. И все же для нас сегодня важнее не то, что разъединяет Гете и Достоевского, а то, что их духовно сближает и объединяет. Оба великих писателя-гуманиста — немецкий и русский — полны трепетного удивления красотой вселенной и человека, ставят своей задачей способствовать воспитанию в человеке «благоговейного отношения» к себе как «совершеннейшему созданию бога и природы», причем оба они полагали, что «страдание», «позор» и «преступление» могут быть для человека путем не только к падению, но и к внутреннему просветлению, к «святости», пользуясь выражением Гете.⁵ И не случайно в романе последнего в качестве символа величайшей опасности для человека приводятся те же самые слова о его «теплохладности», обращенные к ангелу Лаодикийской церкви, которые позднее цитируются в «Бесах» Достоевского.⁶

Во вступительном разделе первой главы январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский писал о гетевском Вертере: «Самоубийца Вертер, кончая с жизнью, в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более „прекрасного созвездия Большой Медведицы“ и прощается с ним. О, как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гете! Чем же так дороги были молодому Вертеру эти созвездия? Тем, что он сознавал, каждый раз созерцая их, что он вовсе не атом и не ничто перед ними, что вся эта таинственность чудес божьих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равно ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? — он обязан лишь *своему лику человеческому*.

„Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне“.

Вот какова должна была быть молитва великого Гете во всю жизнь его» (XI, 146).

⁵ Гете И. В. Собр. соч. в тринадцати томах, т. VIII. М., 1935, с. 181.

⁶ Там же, с. 438.

В этих замечательных словах, обращенных Достоевским не только к современникам, но и к потомству, выражено гуманистическое credo, которое объединяет обе части «Фауста», как и диологию Гете о Вильгельме Мейстере, с последним, итоговым романом русского писателя. И Достоевский, и Гете страстно любили жизнь и человека, были не только предельно чутки к текущим событиям и «злобе дня», но и обращены мыслью к будущим векам, стремились уловить в «беспорядке» и «хаосе» своей исторической современности признаки зарождающегося и создающегося в ее глубинах движения, ведущего к росту взаимопонимания, к сближению и братству разьединенных в их эпоху людей и народов. Эти общие черты гения обоих великих писателей особенно ярко проявились в последних, итоговых их произведениях, представляющих их духовное завещание грядущему человечеству.⁷

3

Одна из особенностей искусства Достоевского — нераздельность в нем художника и мыслителя. Так же как Лев Толстой, Достоевский с полным правом может быть назван художником-философом. Его творения оставили глубокий след не только в истории художественной литературы, но и в истории всей духовной культуры человечества.

Уже Пушкин в таких своих произведениях 30-х годов, как маленькие трагедии, «Медный всадник», «Пиковая дама», явился первым в русской литературе классическим представителем «поэзии мысли». Вслед за Пушкиным в 30-е и 40-е годы русскую интеллектуальную прозу — художественную и публицистическую — развивали в различных направлениях В. Ф. Одоевский, П. Я. Чаадаев, А. Ф. Вельтман, И. В. Киреевский, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен.

Следует сказать, что генетическая связь произведений Достоевского с этой — философско-интеллектуальной — линией развития русской прозы изучена нами пока недостаточно, хотя вопрос о русской философско-интеллектуальной прозе 30—50-х годов XIX века как особом общественно-литературном явлении и о роли ее для формирования художественного стиля Достоевского не раз привлекал к себе внимание исследователей от А. С. Долинина и В. Ф. Переверзева до В. А. Туниманова и современного молодого венгерского ученого И. Месерича.

Думается, что особенный интерес в этом плане имеет изучение творческих связей Достоевского с тремя из его предшественников и старших современников — М. Ю. Лермонтовым, В. Ф. Одоевским и А. И. Герценом.

⁷ Сводку основной литературы по теме «Гете и Достоевский» см.: 15, 468—469.